

КОНЦЕПТ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И СПОСОБЫ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ (на материале английского языка в сопоставлении с русским)

Термин “концепт” и его производные (“концептосфера”, “концептуализация”, “концептуальный” и т.д.) широко используются сегодня в лингвистических описаниях, выполненных в рамках когнитивной парадигмы.

В работах логико-лингвистического и лингво-философского направлений термины “концепт” и “понятие” зачастую используются как синонимичные. В когнитивно-ориентированных исследованиях, развивающихся в значительной мере под влиянием зарубежных работ по когнитивной психологии и когнитологии лингвисты чаще используют термин “концепт”, оставляя за термином “понятие” его логическую и философскую трактовку. Широкое использование термина “концепт” в лингвистике связано прежде всего со значительным расширением предметной области лингвистической семантики и ее активного сотрудничества с другими науками. Результатом такого сотрудничества стало изменение трактовки сущности языкового значения и смысла, признание зависимости семантики языкового знака не только от лингвистических, но и энциклопедических знаний, от физического и интеллектуального опыта индивида. В результате этого лингвистика переместила свое внимание от трактовки значения как абстрактной сущности, формальное представление которой отчуждено и от автора, и от адресата, к изучению концепта как ментальной сущности, оперативной единицы сознания, находящей свою языковую представленность в значениях языковых единиц [1; 2].

Рассматривая сущность концепта и его место в ментальном мире человека, Ю.С. Степанов акцентирует тот факт, что “концепты существуют в ментальном мире не в виде четких понятий (подчеркнуто нами - Л.К.), а как некий пучок представлений, переживаний, который сопровождает слово, концепты не только мыслятся, они переживаются” [3]. Рассматриваемый в данном ракурсе концепт отличается от понятия меньшей четкостью границ, расплывчатостью своего содержания. Еще в 1928 году русский ученый С.А. Аскольдов-Алексеев писал о том, что концепт как содержание акта сознания является “весьма загадочной величиной - почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре” [4]. На эту “неуловимость” концепта указывает в другое время и в другом месте американский исследователь Р. Джакендофф, озаглавивший статью, посвященную сущности концепта, следующим образом: “What is a Concept That a Person May Grasp It?” (Что такое концепт, чтобы его можно было уловить?) [5].

В отличие от концепта, понятие, будучи инструментом анализа в логике, отличается четкостью границ. Понятие может быть определено как концепт, обработанный наукой. Оно является базовой единицей научной картины мира, а концепт - единицей наивной картины мира, которая лежит в основе языковой картины мира. Концепты находят свое вербальное выражение с помощью единиц различных языковых уровней: лексем, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, а также грамматических форм и синтаксических структур. Подчеркнем, что грамматика языка играет не менее важную роль в языковой репрезентации концептов, чем лексика и фразеология. Л. Талми считает, что именно грамматически выражаемые концепты формируют основу языковой системы, ее схематическую основу для распределения всего концептуального содержания, передаваемого лексически [6]. Концепт выступает при этом в качестве основы для изучения совокупности языковых средств, объединенных общностью их концептуального содержания. Изучение способов вербализации концептов с помощью различных языковых средств представляет собой, по мнению многих исследователей, наиболее доступный способ выявления содержания концепта [7].

Следующей особенностью концепта, тесно связанной с его “языковой привязкой” и отличающей его от понятия в логико-философском понимании данного термина, является его лингвокультурная отмеченность (понятия же носят универсальный характер). По мнению Д.С. Лихачева, концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта [8].

Именно эта особенность позволяет определять концепт как особый “сгусток культуры в сознании человека”, как “основную ячейку культуры в ментальном мире” [9]. Сказанное позволяет охарактеризовать концепт как сложную культурно-значимую оперативную единицу сознания, имеющую различные формы репрезентации в языке. Рассматривая природу и структуру концепта с позиций психолингвистики, В.А. Пищальникова особо подчеркивает его сложную структуру, отражение в нем как рационального, так и эмоционального способов освоения мира, сочетание как абстрактных, так и конкретных компонентов [10].

Концепт соотносим со значением слова, но не равен ему, хотя местом обитания и концепта, и значения слова является сознание (М.В. Никитин пишет о том, что значение никогда не покидает головы человека [11]). Концепт как оперативная единица сознания неизменно оказывается шире и богаче словарного значения слова, очевидно, потому, что в формировании концепта участвует не только языковой, но и весь чувственный, физический, географический, исторический и социальный опыт человека, приобретаемый им в процессе освоения окружающего мира. Именно за счет этого опыта, отраженного в концепте, и создается особая аура вокруг слов, основанная на этом опыте. Подтверждение этому находим в работах отдельных людей, посвященных рефлексии, связанной с усвоением ими второго языка. Примером такой рефлексии может служить известная книга американской писательницы польского происхождения Евы Хоффман, в которой она анализирует в ретроспекции собственный опыт освоения другой культуры и другого языка. Автор делится с читателями опытом усвоения ею новых слов английского языка. Она вспоминает, что, если слова усваивались ею из книг, бесед, упражнений, то есть только через языковую семантику, а не через непосредственный опыт или контакт с предметами внешнего мира, названиями которых они служили, то многие из таких слов оставались лишь мертвыми знаками, имели только языковую ценность, но не вызывали в сознании определенного образа, не приобретали той особой ауры, которую вносит непосредственный опыт, способствующий формированию т.н. эмоционально-ассоциативной памяти слова [12].

Приведем еще пример. Д.С. Лихачев, рассуждая о роли культурного опыта в формировании национальной концептосферы, вспоминает о своем разговоре с Иосифом Бродским, который признался ему, что пишет отзывы, статьи и рецензии на английском, но не мыслит перейти на английский в поэзии (позднее И. Бродский все же писал стихи на английском языке, хотя и очень немного), объясняя это тем, что английский язык удобен для науки, техники, математики, физики, прост для компьютера, но для поэзии он труднее, чем русский [13]. Причина этой трудности заключается, на наш взгляд, вовсе не в том, что английский язык труден для поэзии - ведь на нем написано множество поэтических шедевров! Он был труден для поэзии как второй язык, усвоенный поэтом уже в зрелом возрасте. Национальная концептосфера поэта была сформирована на базе русского языка, русской культуры, а многие английские слова могли не иметь в его сознании той ауры, той эмоционально-ассоциативной памяти, которую Анна Ахматова называла “воздушной громадой”, и которая абсолютно необходима для поэтического языкового творчества.

Совокупность концептов образует концептосферу нации. Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность. К числу универсальных относятся такие базовые концепты как родина, мать, семья, любовь, вера, свобода, на основе которых формируются национальные культурные ценности, а также такие

фундаментальные универсальные концепты, как время, пространство, причинность и т.д. Именно наличие общих, универсальных концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между народами. В то же время, несмотря на то, что мы живем в одном мире, каждая нация имеет собственное национальное мировоззрение, собственную шкалу ценностей. Это находит свое отражение как в существовании уникальных концептов, характеризующих отдельную нацию, так и в различной значимости тех или иных концептов в менталитете нации, их различным местом на шкале ценностей в национальной концептосфере. Г. Гачев говорит, что национальные образы мира - это “сны народов о едином” [14]. Изучение способов языковой репрезентации концептов, степень их разработанности средствами языка (чем значимее концепт, тем более детально он картирован), позволяет увидеть различия в значимости тех или иных концептов в национальной концептосфере.

Так, например, концепты времени и пространства относятся к числу базовых во всех культурах, однако их значимость, отраженная прежде всего в их языковой представленности, существенно различается от языка к языку. Для западно-европейской и северо-американской культур более значим концепт времени. Косвенным подтверждением этому служит система видовременных форм глагола, например, в английском языке, где концепт времени находит отражение в трех глагольных категориях: собственно времени, вида и таксиса. Для русской культуры более значимым представляется концепт пространства - ведь даже слово “страна” происходит от того же корня! Исследователи неоднократно писали о культуре русского пространства как одной из наиболее ярких черт русской национальной самобытности [15]. Значимость концепта пространства подтверждается наличием в русском языке огромного пласта лексики, связанной с данным концептом, значительная часть которой может не иметь абсолютно точных эквивалентов в других языках (в целом количество т.н. безэквивалентной лексики в языках при пристальном изучении оказывается более значительным, чем это представляется на первый взгляд).

Приведем лишь один пример. Сопоставление семантики русского глагола “простира́ться” и его ближайшего английского эквивалента “stretch” показывает, что в их основе лежат разные концепты. Русский глагол “простира́ться” связан по своей семантике с концептом “пространство”, то есть изначально ассоциируется с признаком “большой”, “протяженный”, “просторный”, в то время как английское “stretch”, буквально означающее “растягивать”, то есть ассоциируется с признаком “небольшой”, “stretch” означает “растягивать что-то небольшое до больших размеров”. Таким образом, данные глаголы, хотя и считаются эквивалентами, все же значительно различаются по своей т.н. этимологической памяти, поскольку восходят к разным концептам (или разному восприятию концепта “пространство”?). Может быть, говоря об источниках различий в этимологической памяти данных слов, можно предположить, что в этих различиях нашел свое отражение разный географический и исторический опыт России и Великобритании? Будучи изначально маленьким островным государством, Англия увеличивала свои размеры за счет колониальных завоеваний, то есть “растягивалась”, что и легло в основу семантики глагола “stretch”. В семантике же русского глагола “простира́ться” изначально присутствовала идея большого пространства (хотя Россия тоже увеличивала свои размеры за счет покорения земель).

Концепт “ум” представляется значимым как для англоязычной, так и для русской культуры, однако для англосаксонской культуры важной характеристикой ума является его динамизм (ср.: he has a quick mind; he is a slow thinker - у него быстрый ум; он медленно соображает); для прагматической в своей основе американской культуры ум - это прежде всего способ достижения материального благополучия (If you are so smart why are you so poor? - Если ты умный, то почему ты бедный?); в русской культуре ум чаще всего оценивается как нечто возвышенное, заслуживающее преклонения (ср: я преклоняюсь перед его умом).

По степени вербальной представленности того или иного концепта в языке можно судить о его месте на шкале ценностей в данной культуре. Если концепт является значимым для культуры,

язык (вернее, нация, говорящая на данном языке) буквально осаждают данный концепт лексически и грамматически. Именно поэтому в каждом языке выделяются т.н. ключевые слова, в которых представлены ядерные ценности культуры, особенности менталитета нации. Огромный вклад в изучение данной проблемы внесли исследования А. Вежбицкой [16]. Такими ключевыми словами для русского языка являются “душа”, “судьба”, для немецкого “порядок” (Ordnung), для английского “честная игра” (fair play).

Национальная концептосфера представляет собой не статическую, раз и навсегда сложившуюся, а динамическую, постоянно изменяющуюся структуру. С изменением исторических, географических, социальных и других условий меняется значимость тех или иных концептов, их место на шкале ценностей, и это находит свое отражение в языке, в частотности и популярности тех или иных слов, идиом, пословиц и афоризмов. Так, к числу наиболее значимых концептов американской нации, описываемой с помощью метафоры “melting pot” (буквальное значение данного сочетания - “плавильный тигель”, отсюда переносное - “место, где иммигранты переплавляются в единую нацию”), относится концепт толерантности. Это объемный и сложный концепт, который включает в себя терпимость ко многим вещам - другому цвету кожи, другой религии, другому мнению, другой сексуальной ориентации. Именно толерантность рассматривается как основное, обязательное условие формирования единой американской нации в столь многонациональном государстве, как США. Америке потребовалось немало времени для осознания важности данного концепта на общенациональном уровне (хотя на индивидуальном уровне там и сейчас есть люди, считающие, например, что Америка должна быть страной только для белых). В США выпускается специальный журнал под названием “Teaching Tolerance” (“Обучение толерантности”). Английский язык отреагировал на значимость данного концепта появлением специальной лексемы “otherness”, которая не имеет абсолютного эквивалента в русском языке, поскольку сам концепт толерантности является для нас относительно новым. Этот же концепт находит свое вербальное отражение в широко распространенном клише речевого этикета “Let’s agree to differ” - так завершают спор его участники, осознав невозможность прийти к единому мнению. Данное клише опять таки не имеет абсолютного эквивалента в русском языке. Наиболее близкий перевод данной фразы - “Пусть каждый остается при своем мнении”, но в нем не представлено ключевое слово английской фразы “agree” - соглашаться, то есть признавать различие мнений.

Вместе с тем, хотя и запоздало, но мы начинаем осознавать важность концепта толерантности для нашего общества. К этому осознанию нас привели как внутренние факторы: распад СССР (кто знает, будь мы более терпимее к другим нациям и другим культурам в составе СССР, может быть, этого бы и не произошло), так и внешние факторы, важнейшим из которых является глобализация сегодняшнего мира, интеграция России в международное экономическое, политическое, культурное, информационное пространство. Основным условием успешного осуществления такой интеграции может быть только терпимость к тому, что в английском языке обозначено емким словом “otherness”, которое в английском языке не имеет отрицательных коннотаций в отличие, например, от русского “инакомыслие”, имеющего такие коннотации.

После такого, может быть, несколько пространного вступления, в котором мы пытались изложить наше понимание сущности концепта как базового термина когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, перейдем к рассмотрению концепта личного пространства и способах его языковой репрезентации.

Концепт личного пространства (или “Я” пространства) следует отнести к числу универсальных концептов, поскольку он связан с человеком, его местом в мире, его взаимодействием с другими людьми. В последнее время проблема вербализации данного концепта в различных языках стала довольно часто привлекать внимание исследователей [17; 18].

Под личным пространством понимается та часть пространства, которую человек способен в той или иной мере воспринять, самостоятельно освоить или узнать [19]. Еще одно понимание

личного пространства, или личной сферы говорящего находим у Ю.Д. Апресяна, который включает в личное пространство самого говорящего и все то, что ему близко физически, морально, эмоционально и интеллектуально [20]. Данное понимание концепта “личное пространство” позволяет заключить, что оно включает как физическое, так и ментальное пространство говорящего.

Несмотря на то, что данный концепт имеет универсальный характер, он относится к числу наиболее культурно-чувствительных концептов, поскольку его значимость в различных культурах очень различна, что находит свое проявление как в невербальном, так и в вербальном поведении представителей различных культур. Так, наблюдение над невербальным поведением американцев показывает, что концепт личного физического пространства имеет для них ‘большую значимость, чем для русских. Личное пространство имеет для них более жесткие границы и они более склонны к защите этих границ. Общеизвестно, что американцы соблюдают ‘большую физическую дистанцию при разговоре, чем русские. Заходя в городской автобус, американец, как правило, предпочтет пройти на заднее место, на котором никто не сидит, чем сидеть с кем-то рядом на передних местах. В американском ресторане не принято, как у нас, подсаживать посетителей на свободное место за столом, даже если за ним сидит всего один посетитель. Вам, скорее всего, предложат пройти в бар и немного подождать, пока освободится весь стол. Эта же любовь к большому физическому пространству находит свое проявление в культуре быта: американцы предпочитают жить в просторных домах, если могут себе это позволить. Ключевым словом для выражения концепта личного пространства в англоязычной культуре может служить лексема “privacy”, для которой очень трудно подобрать точный эквивалент в русском, что обусловлено, на наш взгляд, именно различиями в значимости данного концепта в наших культурах.

Очевидно, истоки важности данного концепта в англоязычной культуре следует искать в индивидуалистической философии общества, в той значимости, которую придает индивиду и общественная система, и он сам. В русском социуме границы личного пространства оказываются более зыбкими, по сравнению с американцами и англичанами русские менее стремятся к защите границ личного пространства, а нарушение этих границ зачастую не считается грубым нарушением общепринятых этических норм. Истоки этого коренятся в исконной общинности русской нации, в соборности, которая является глубинной психологической доминантой русской нации. Напомним, что по одной из гипотез слово Русь восходит к финнскому “Drott”, что означает “дружина”.

Данные различия в значимости концепта личного пространства нашли свое вербальное отражение в т.н. паремиях - пословицах и поговорках, фиксирующих национальные культурные ценности, место различных концептов в национальной концептосфере. Так, стремление к защите личного пространства в рамках англоязычной культуры нашло свое отражение в пословице “My house is my castle”, а отсутствие такого стремления в русской культуре отражено в старинной поговорке “В тесноте, да не в обиде”. Хотя справедливости ради необходимо признать, что в современной культуре русского города, особенно у людей, хорошо знакомых с англоязычной культурой (непосредственно или через изучение языка), английская пословица о доме как крепости получает все большую и большую популярность.

Однако основная роль в вербализации концепта личного пространства принадлежит грамматике языка, поскольку именно грамматика оказывается ближе всего к менталитету нации. Грамматика языка располагает целым набором т.н. культурно-чувствительных (culture-sensitive) категорий. К их числу относятся категории лица, числа, времени, залога, модальности, детерминации. Концепт личного пространства нередко определяет выбор личного местоимения на позицию синтаксического субъекта, выбор видо-временной и залоговой формы, формы склонения глагола и средств выражения субъективной модальности. При этом грамматические средства оказываются наиболее значимыми при вербализации концепта ментального личного

пространства. Приведем примеры функционирования грамматических форм, выбор которых, как нам представляется, связан с концептом личного ментального пространства.

Так, для английского языка привычной формой предложения услуг покупателю или посетителю ресторана является форма “What can I do for you?” с местоимением первого лица, а в русском языке более привычно употребление в данной коммуникативной ситуации местоимения второго лица: “Что бы вы хотели?”. По этой причине исследователи относят английский язык к т.н. эгоцентрическим языкам, а русский - к альтерэгоцентрическим. Подобные предпочтения в выборе личного местоимения, кажущиеся незначительными на первый взгляд, на самом деле связаны, как нам представляется, именно с концептом личного пространства, с уважением к личному ментальному пространству адресата. Предлагая собственные услуги и употребляя местоимение первого лица в позиции подлежащего, говорящий тем самым остается в пределах собственного личного пространства и не нарушает границы личного пространства собеседника.

Другой характерной особенностью английского языка, также имеющей в своей основе причины культурологического характера, является употребление притяжательных местоимений в функции детерминации, например: He put his hands in his pockets and walked away. В данном примере основной функцией притяжательных местоимений является функция детерминации, однако значение принадлежности не исчезает полностью, оно лишь отодвигается на второй план. В русском языке в подобных случаях детерминация представлена имплицитно: Он засунул руки в карманы и отошел. В русском языке притяжательные местоимения не участвуют в выражении детерминации, введение притяжательного местоимения всегда вносит в предложение дополнительный смысл: Он положил свои (а не чужие) деньги в свой карман (а не в чужой). Представляется, что участие притяжательных местоимений английского языка в выражении детерминации позволяет им выражать совмещать две функции, а именно, выполняя функцию детерминации, притяжательные местоимения, на основе своей исходной функции принадлежности, как бы очерчивают границы личного пространства говорящего или субъекта предложения, что подтверждает ‘большую чувствительность английского языка, по сравнению с русским, к концепту личного пространства. Как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, русский язык в меньшей мере, чем английский, центрирован в отношении говорящего субъекта и создаваемого им ментального пространства, в чем и проявляется специфика разных культур [21].

Выбор видовременных форм глагола в коммуникации также может быть обусловлен фактором личного ментального пространства. Обратимся к примеру:

“I’m here in Cologne... I was hoping I could offer you dinner...”

“Excellent. Well, look, I’m at the Dom hotel” [22].

Употребление т.н. претерита скромности, или “attitudinal past” в приведенном выше диалоге позволяет говорящему дистанцироваться от собеседника, стараться не нарушить личное пространство собеседника, что связано с фактором вежливости, традиционно приписываемым британскому речевому этикету. Уважение к границам личного пространства, несомненно, является одним из проявлений вежливости.

В статье представлены лишь некоторые предварительные наблюдения над способами репрезентации концепта личного пространства в английском языке в сопоставлении с русским. Однако и эти предварительные наблюдения, как нам представляется, позволяют сделать вывод о значимости данного концепта в национальной англоязычной концептосфере, свидетельством чему является множество способов его вербализации, в которых участвуют единицы различных языковых уровней.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90.
2. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. М., 1992.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001. С. 43.

4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Д.С. Лихачев. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. С. 140.
5. Jackendoff Ray S. Languages of the Mind:Essays on Mental Representation. London - Cambridge, MS, 1992. С. 21.
6. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1999. №1. С. 91.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингво-когнитивного анализа // Филология и культура. Ч.1. Тамбов, 2001. С. 22.
8. Лихачев Д.С. Цит. соч. С. 142-144.
9. Степанов Ю.С. Цит. Соч. С. 43.
10. Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001. С. 97.
11. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997. С. 25.
12. Hoffman Eva. Lost in Translation. Penguin Books, 1990. P. 106.
13. Лихачев Д.С. Цит. соч. С. 50.
14. Гачев Г. Национальный мир и национальный ум // Путь Международный философский журнал. 1994. №6. С. 128.
15. Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999. С. 12.
16. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
17. Бойко И.Б. О свойствах Я-пространства в русском и немецком языках// Филология и культура. Материалы III-й международной научной конференции. Ч.1. Тамбов, 2001.
18. Камкина Е.О. Концепт личного пространства говорящего в английском языке // Филология и культура. Ч.2. Тамбов, 2001.
19. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994. С. 64.
20. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю.Д.Апресян. Избранные труды. Т.II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 64.
21. Болдырев Н.Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур // Филология и культура. Ч.1. Тамбов, 2001. С. 20.
22. Forsyth F. The Deceiver. Bantam Books.